

АКВАРИУМ

* * *

Отец учил меня пасьянсу:
Сложился – все пойдет на лад.
И мне с завидным постоянством
Везло, и выходил расклад...

Когда за королем пустоты
Уже мешать мне не могли...
А на рубашках той колоды
Роскошно розочки цвели...

На драку не хватало дара,
Хотя я знала – дар большой,
Но не за это санитары
О кафель били головой.

И не за буйство, где там буйство,
Какое буйство в десять лет?!
Меня подставил из холуйства
Детдомовский авторитет.

Там не было ни крови носом,
Ни хруста шейных позвонков,
Но помню я на плитке розы –
Узор такой из завитков.

...На всякий случай, просто били,
Косу на руку намотав...
А карты в наволочке были,
Напрасно потрошили шкаф.

ЗАПОНКА

Скоро будут гости, ах, восьмое марта,
Мама в синем платье курицу несет.
Папа, точно Пушкин, в пышных бакенбардах,
И пока не пьет.

Папа продевает запонку в петельку,
В запонке застыла желтая смола.
Радуги от лампы падают в тарелки,
Красные гвоздики посреди стола.

«Ах, какая прелесть – запонки-цветочки! –
Ах, какая милая жена! –
Боже, что за чудо – маленькие дочки,
А у нас – шпана!»

Скоро нас забудут,
Стопочки посуды
Станут выплывать.

Папа словно в муке
Вдруг раскинет руки,
Будет танцевать.

Запонки роняет, галстук распускает,
Как большой цветок,
И меня в охапку, как сирень, сгребает,
Ух! – под потолок.

И когда над миром я лечу впервые,
Вижу с потолка:
Мама с папой – боги, сильные, родные,
Я – лишь за-пон-ка.

И куда же, папа, ты меня забросил?
И лечу куда?
И меня свистящим воздухом уносит
В космос навсегда.

В космосе повсюду запонки сверкают
Солнечной смолой.
Ангелы по кромку стопки наливают,
Хватит с головой.

Я раскину руки, стану самолетом,
Полечу домой сквозь двадцать лет.
Двадцать лет как вышли запонки из моды.
Разрешенья на посадку нет.

* * *

У вас там пиво и ночной Арбат,
А у меня под окнами – колхозный
Рабоче-пролетарский е@онат
Орет всей глоткою своей туберкулезной...

Что – это жизнь? На околотку груш
Ушло два дня... сороковой окурочек...
Довольно скоро пьяный бывший муж
Расскажет мне про володарских урок.

Мне в семь – подъем, как только пропищит
«Горшок, пи-пи» мой сонный ангелочек,
А я не сплю, и так душа болит,
Что отдается чуть пониже почек.

* * *

Снится мне, что серьезно попала,
Что меня проглотила тюрьма.
Я не крала! Я не убивала!
Или, может, не помню сама.

Я ругаю кирпичные стены,
Я ногами рисую побег.
Я смогу, я сбегу непременно,
Я чиста, я живой человек.

И меня, наконец, оправдали.
Отпустили с вещами домой.
Я хожу на сибирском вокзале,
Я стою на платформе пустой.

И проходят, проходят, проходят
Голубые мои поезда!
Сквозь меня пассажиры проходят,
Вырастают вокруг города.

И ознобом нисходит догадка:
От меня отвернулась родня,
И шагнула тюремная кладка
И за ноги схватила меня.

NEW «ГАМЛЕТ»

Б. Рыжему

Ничего из горних измышлений
В эту осень мне не довелось
Вплотить... земную выгнув ось,
Я повешусь, как вчерашний гений...

У меня собака есть и сын,
И листы исписанной бумаги...
Все мои друзья почти бродяги,
Дегустаторы дешевых вин...

Все они играли без конца
Кто кого, и каждый непомерно.
Я была Офелией, наверно,
И утопла, схоронив отца.

Вильям, сэр, вы написали бред!
Дальше так: Лаэрт – в тюрьме за кражу,
Выброшена Дания в продажу,
Мебель, хлам... Скупаю... табурет!

У Гертруды отняты права.
В городах отяжелели волки,

И шакалы. Вновь изъята с полки
Библия, исправлена глава.

Клавдий откупился. Строить дом
Нанял Розенкранца с Гильденстерном.
Вместе пьют абсент, по-русски вермут.
Гамлет тоже пьет, но не о том,

И не с ними, одинокий, ночью...
А каков когда-то был замах!
Йорики, Шекспир сошел с ума:
Пишет «крысы» и навзрыд хохочет!..

Вскоре лицедеи разбрелись.
Кто в пивнухе спит, а кто в могиле...
Гамлет, бля, решайся, или-или!
Или окончательно заткнись!

Табурет толкну, закрыв глаза,
И не это выдержит земная
Ось, и так повисну я, сверкая
Голыми ступнями в небеса...

* * *

Приносит мама виноград
И гречневую кашу.
Из-за двери за мной следят
Сережи и Наташи.

Их много, стриженных под ноль,
Больных и желторотых.
Болезнь их, а вернее, боль
В том, что они – сироты.

И я всегда окружена
Молчаньем осторожным.
Я тоже, кажется, больна,
Но не тогда, а позже.

Куплю ли сыну виноград,
Варю ли утром кашу:
Из-за двери за мной следят
Сережи и Наташи.

АКВАРИУМ

Мне нравятся зеленые стрекозы,
Их выпуклые детские глаза,
Как у Ромео, дарящего розы,
Любовь и кровь, луну и небеса...

.....

Курилка за углом у туалета,
Церковный календарь, полоска света,
Нельзя курить, но куришь за двоих.

– Ну, здравствуйте, меня зовут Джульетта!
– Меня – Мария, Маша для своих.
– Я – глина, я – мозаичный фрагмент
Архитектуры 77-го:
Лес, поле, аист (пятый элемент)
На фоне неба светло-голубого...

.....

Из шкафа нафталин и простыня,
Стрекозы, гуппи, куклы и котята –
Все то, что раньше было у меня.
Простите, я ни в чем не виновата!
Я буду первой с пальмовым листом,
Я нарисую ослику улыбку,
Дома, деревья, праздничную рыбку
С вечерним выразительным лицом.
Я все смогу, я выкормлю котят,
Я уберу в аквариуме тину,
На пустыре я высажу подряд
Березу, клен и красную рябину...

.....

С тех пор, как я на свете существую,
Как железа нагрета молоком,
С тех пор, как я боюсь себя-другую
С тяжелым непонятным животом,
С животным взглядом и тоской звериной
Над люлькой, над ванной, над плитой,
Себя-другой, кричащей под любимым,
Себя – другой, другой, другой, другой...

Мне страшно.
Иисуса на иконе
Толпой встречает град Ерусалим,
И стелет ветви пальмы перед Ним.
Мне холодно.
Согрей меня одним
Прикосновеньем ласковой ладони.

Не надо пальм. Позвольте говорить –
Вот это небо, этот лес и поле,
Все это невозможно не любить
Без алкоголя или с алкоголем.
Мир, помещенный в стрекозиный глаз.
Толпа, как веер стрекозиных крыльев...

Окно плывет, кричит иконостас,
А пальмовые ветви пахнут пылью
И нафталином... круг растет за кругом,
Осел устало фыркает в пыли,
Джульетта мне протягивает руку
И поднимает Лазаря с земли.

Аквариум закончен. Стайки гуппи
Плывут по тесным улицам в закат.
Христос один. Никто не виноват.
Пилат примкнул к сочувствующей группе.
Мне аккуратно сдавливают локоть:
Мария в стороне едва бредет,
Придерживая пальцами живот.
Да и Фома не прочь его потрогать.

.....

Как створки устриц, веки не открыть,
Затем что жалко и смешно, наверно,
Движеньем ученически неверным
Жемчужины на простынь уронить.
Мне клена жаль, что выносил костюм,
Что он теперь одет в одни обноски,
Мне жалко этих жестов дирижерских...
Я слышу... но не музыку, а шум –
Чужой, тяжелый, средиземноморский...
Мне тени жаль, поющей на стене
Плач или гимн, или Ave Marie,
Жаль, что лежу в дремучей тишине
И открываю ракушки пустые.

Вот это – я, в Джульеттиных зрачках,
Стирая с губ, как поцелуй, измену,
Приподнимаюсь и, держась за стену
И за живот, иду домой смиренно
За кругом круг, как стрелка на часах.

Мелькает этот лес и этот дол,
И что-то там позвякивает в сетке,
И ветер листья желтые (глагол)
Передо мной, как пальмовые ветки...

* * *

Пожили – как не были,
Наняли каблук.
Хорошо – из мебели
Только ноутбук.

Да собака серая,
Да сибирский кот.
Господи, я верую
В новый наш исход.

Сумки книг проверенных –
Пенье аонид.
«Дерево – есть дерево», –
Грузчик говорит.

Дерево есть дерево,
Может, он и прав, –
Крепкий и уверенный,
Красный, как Исав.

* * *

Я усну с ожесточенным сердцем,
Я запру молитву на губах.
Почему Ты допустил Освенцим,
Губчека, Нагорный Карабах?

Скажешь, люди делали патроны,
Люди составляли Губчека...
Объясни тогда, зачем вороны
Заклевали черного щенка?

Скажешь, так задумана природа –
Свой закон положен у зверей...
Объясни тогда, зачем при родах
Умирают тысячи детей?

Нет, меня ответы не устроят
Не приму ответов никаких,
Чтобы Ты меня не успокоил
В ласковых объятиях Своих.

* * *

Вот так и доходят до ручки,
И я опустилась почти.
Бездельница я, белоручка –
Работы в Москве не найти.
Скитаюсь по улицам пыльным,
Читаю «Записки жильца».
Везет деловитым и сильным,
Румяным на четверть лица.
О, что за субтильная бледность?
О, что за мечтательный взор?
Я верила в честную бедность,
Я думала – деньги позор.
Я мыслила – правильно, дескать,
Самой оставаться собой.
Во всем виноват Достоевский
И даже, отчасти, Толстой.
Слепая! и то ль ещё будет,
Когда со страниц семени,
Богатые бедные люди
Ногами затопчут меня.